

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 5, pp. 1050–1063, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 572.024

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063

Тувинская традиция передачи старых детских вещей *эргинди*

Шенне Борисовна Майны¹, Чимиза Кудер-ооловна Ламажаа²

¹ Тувинский государственный университет (9 лит. В, ул. Монгуша Сата, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник

 0000-0002-9106-2148. E-mail: ethnolab@tuva.asia

² Тувинский государственный университет (9 лит. В, ул. Монгуша Сата, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

доктор философских наук, заведующая

 0000-0003-1813-3605. E-mail: ethnolab@tuva.asia

© КалмНЦ РАН, 2022

© Майны Ш. Б., Ламажаа Ч. К., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье обсуждается актуальная практика повторного использования вещей (upcycling), которые не только бытовали в разных локальных культурах в прошлом, но и до сих пор сохраняются в них в разных формах. *Цель* исследования — описание и анализ современной формы традиции передачи старых вещей детей у тувинцев, коренного населения Республики Тыва (Туву). Она рассматривается нами как тувинский традиционный вариант upcycling. Сама традиция в тувинской культуре не имеет специального названия, но для обозначения старых вещей есть несколько терминов тувинского языка. Наиболее общий — *эргинди* ‘старье’. Представив ее современное бытование на примерах, мы также попытались очертить ее традиционные характеристики, поскольку сама традиция совершенно не была изучена. *Материалы и методы.* Исследование, начатое нами с автоэтнографических наблюдений, привлекает также антропологические методы и данные других смежных научных дисциплин, в том числе филологии, лингвокультурологии, истории. *Результаты и выводы.* Приведены упоминания из тувинского фольклора, национальной литературы, упоминания из этнографических публикаций XIX–XX в., а также воспоминания тувинцев старшего поколения о своем детстве, семейных обычаях. Подчеркивается, что традиция не только была призвана экономить средства на приобретение вещей, бережно относиться к ним, но и показывала особое отношение тувинцев к детям, а также выступала одним из механизмов поддержания родственных связей между тувинцами. Эти же характеристики отмечаются и в современном бытовании. Тем не менее называются и новации в виде расширения категорий вещей (не только одежда, но и одежда для беременных, детский инвентарь, игрушки, книги), передачи вещей не только родственникам, использование национальных видов одежды от родственников и пр.

Ключевые слова: Тува, тувинцы, эргинди, эрги хеп, детская одежда, старая вещь, upcycling, тувинская культура, тувинская традиция

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (№ 21-18-00246). Авторы выражают благодарность за консультации и помощь в работе над статьей нашим коллегам — кандидатам филологических наук Н. Д. Сувандии и Ш. Ю. Кужугет, кандидату культурологии Ч. Х. Санчай, а также за информацию — кандидату химических наук У. В. Ондар.

Для цитирования: Майны Ш. Б., Ламажаа Ч. К. Тувинская традиция передачи старых детских вещей эргинди // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 1050–1063. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063

Ergindi: Tuvan Tradition of Sharing Children’s Clothing and Things Reviewed

Shenne B. Mainy¹, Chimiza K. Lamazhaa²

¹ Tuvan State University (9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (Culturology), Associate Professor, Senior Research Associate

 0000-0002-9106-2148. E-mail: ethnolab@tuva.asia

² Tuvan State University (9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Head of Laboratory

 0000-0003-1813-3605. E-mail: ethnolab@tuva.asia

© KalmSC RAS, 2022

© Mainy Sh. B., Lamazhaa Ch. K., 2022

Abstract. Introduction. The article discusses an essential upcycling practice to have existed in various local cultures of the past — and still observable in different forms. **Goals.** The study aims at describing and analyzing a contemporary form of the children’s clothing sharing tradition of Tuvans, indigenous population of the Tyva Republic. The former is viewed as a local traditional variant of upcycling. The tradition proper has no special name in Tuvan culture but there are several Tuvan terms to denote old things. The most common one is *ergindi* — ‘old stuff’. The paper draws examples to introduce present-day patterns of the tradition and outlines it, since the latter has been totally uninvestigated. **Materials and methods.** The study comprises autoethnographic observations, employs anthropological methods and data from related academic disciplines, including philology, linguoculturology, and history. **Results and conclusions.** Tuvan folklore and ethnic literary narratives, 19th and 20th century ethnographic publications do mention the practice, the latter to be confirmed by stories of Tuvan elders about their childhood, family customs. The tradition was not only to save money or instruct people to handle things carefully but also illustrated special attitudes of Tuvans towards children, and furthermore acted as a kinship maintenance mechanism. Similar characteristics are inherent to contemporary patterns. Nevertheless, the paper also lists some innovations, e.g., expanded categories of things involved (children’s clothes proper be added to with clothes for pregnant women, children’s implements, toys, books), sharing not only with relatives, use of national costumes once owned by relatives, etc.

Keywords: Tuva, Tuvans, *ergindi*, *ergi hep*, children’s clothing, old thing, old stuff, upcycling, Tuvan culture, Tuvan tradition

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 21-18-00246 ‘Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Challenges of Research and Preservation (Insights into Tuvan Culture)’. The authors extend gratitude to Dr. N. Suvandii, Dr. Sh. Kuzhuget, Dr. Ch. Sanchai, and Dr. U. Ondar for delivered consultations and data.

For citation: Mainy Sh. B., Lamazhaa Ch. K. *Ergindi: Tuvan Tradition of Sharing Children’s Clothing and Things Reviewed*. *Oriental Studies*. 2022; 15(5): 1050–1063. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063

Введение

Особенности современной культуры потребления, проблемы загрязнения экологии продуктами жизнедеятельности человека с особой остротой ставят вопросы об экономичном, бережном отношении к вещам, в том числе к использованным. Обсуждаются варианты возвращения изделий к их первоначальному состоянию (*recycling*), а также вторая жизнь вещей (*upcycling*). При этом принцип однократного использования приобретений, выбрасывание их, как подчеркивают исследователи, в истории человечества считается частью культуры послевоенного западного общества, и он скорее исключение, чем правило в истории человеческой культуры [Oldenziel, Weber 2013: 347]. Но, к сожалению, этот опасный социальный метаболизм, как назвал практику потребления Ж. Бодрийяр [Бодрийяр 2006: 3], в глобализованном мире распространился и на другие страны, в том числе на Россию. Поэтому особую и научную, и социальную актуальность приобретают исследования проблем культуры потребления [Ильин 2012]. В том числе важно изучение традиций повторного использования вещей, которые не только бытовали в разных локальных культурах в прошлом, но и до сих пор сохраняются в них в разных формах.

В данной статье мы проанализируем современную форму традиции передачи старых вещей детей у тувинцев, коренного населения Республики Тыва (Тувы). Мы рассматриваем ее как тувинский традиционный вариант *upcycling*, который сейчас активно обсуждается не только в связи с изучением производств, технологии, дизайна и экономических проблем, но и шире — в социальном и гуманитарном знании (см.: [Sung 2015]).

Старые вещи на тувинском языке называются несколькими способами, наиболее общий термин — это *эргинди* ‘старье’ (существительное образовано от прилагательного *эрги* ‘старый’ и словообразовательного аффикса *-нди*). Речь идет о материальных объектах, старых, использованных вещах, которые имеют ценность и символичность, но чаще всего для определенных людей,

группы людей или родственной группы тувинцев. В качестве *эргинди* может выступать не только *хеп* как вещь-одежда, но собирательное *хеп-сын* ‘одежда-обувь’, а также теперь и инвентарь, книги, игрушки, посуда, мебель, техника и пр.

Рассмотрение темы второй жизни вещей особенно значимо по отношению к детским вещам, поскольку дети быстро вырастают из них, *upcycling* этих вещей происходит быстрее. Данная традиция не только была призвана экономить средства на приобретение вещей, бережно относиться к ним, но и показывала особое отношение тувинцев к детям, а также выступала одним из механизмов поддержания родственных связей между тувинцами. Тем не менее, как и любая живая традиция, она имеет уже новации и новые варианты. Поэтому данное исследование, начатое нами с автоэтнографических наблюдений, привлекает также антропологические методы и данные других смежных научных дисциплин, в том числе филологии, лингвокультурологии, истории. Мы рассматриваем нашу работу в русле «онтологического поворота», понимающего социальность как взаимодействие людей и вещей [Соколовский 2016; Соколовский 2017].

В ходе исследования мы выявили, что сама традиция передачи *эргинди* в тувинской культуре совершенно не была изучена. Поэтому, представив ее современное бытование, мы также попытаемся очертить ее традиционные характеристики, отметим новации настоящего времени и порассуждаем над ее современными функциями и значениями для тувинцев.

Материалы исследования

Источниками нашего исследования выступили материалы наблюдений в Туве за последние двадцать лет, материалы интервью с тувинцами разных поколений (24 интервью, август – сентябрь, декабрь 2021 г.), выполненных коллективом лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета, в том числе авторами статьи. Кроме того, мы работали с этнографической литературой, словарями, прежде всего с тувинско-рус-

ским [TPC 1968], а также с текстами тувинского фольклора и национальной литературы в разных изданиях.

Передача старых вещей детей у тувинцев сегодня

Сегодня каждая молодая тувинская семья, как и любая другая семья, старается для своего первенца купить новые детские вещи: детскую одежду, кроватку-колыбель, игрушки, пеленки, коляску и т. д. В том числе популярно приобретение молодыми родителями детских комплектов — приданных для новорожденных — в национальном стиле с вышитыми узорами. В Туве на производстве таких комплектов в последние 5–7 лет даже специализировались некоторые швейные мастерские, отдельные мастерицы. Близкие родственники также дарят новорожденному новые детские вещи.

Но, помимо этого, от родственников семья получает и старые вещи выросших детей. Когда первенец вырастает, родители бережно сохраняют его поношенные вещи *эргинди* ‘старье’ (в других вариантах названия: *эрги хептер* ‘старые вещи’, *эргижирээн хептер* ‘состарившиеся вещи’, *бичилээн хептер* ‘вещи, которые стали маленькими’) для своих следующих детей, а также для детей родственников.

Покажем это подробнее на примере традиции *эргинди* большой семьи Майны, семьи, членом которой является одна из соавторов данной статьи.

«Семья наших родителей Б. С. Майны (пенсионер, 1958 г. р.) и Р. С. Майны (пенсионерка, 1956 г. р.) многодетная. Нас пятеро: четыре сестры и один брат. Мама и папа всегда покупали новые вещи для старшей сестры, а остальные донашивали за ней. И у нас никакой обиды на родителей не было. Старшая сестра носила вещи очень аккуратно и бережно, так как она понимала, что ее вещи будут носить ее родные сестры и брат.

Сейчас все мы — сестры — семейные, имеем свои *өг-бүле* (семьи. — Ш. М., Ч. Л.). У моей старшей сестры Шончалай один сын, ему 8 лет, он является первым внуком наших родителей. Я следующая по старшинству, имею троих детей: дочке — 6 лет, сыну — 3 года, дочке — год. Младше меня сестра Шораана имеет двоих детей (дочке — 8 лет и сыну — 6 лет), в настоящее время она ждет третьего ребенка. Самая млад-

шая сестра Надежда имеет двоих сыновей: старшему 7 лет, младшему — 3 года. Всего у нас, таким образом, восемь детей, самому старшему 9 лет, а самому младшему — годик. Младший брат Буян еще не обзавелся семьей.

И все мы — родные сестры — передаем друг другу детские вещи *эргинди*. В эту категорию входят не только одежда и обувь, для нас это более широкое понятие. Все наши дети бережно относятся к своей одежде, обуви, книгам. Они знают, что не только им пользоваться данным добром, что после них все это будет нужно другим двоюродным братьям и сестрам.

Мы также вместе покупаем одежду в детских магазинах одежды, у нас даже есть общий аккаунт интернет-магазина Wildberries, в котором мы делаем заказы вместе. Все приобретенные вещи после ношения аккуратно складываем по сезонам, храним в специальных сумках по комплектам.

Первый комплект *иштиг бейбарбазы* (сумка для беременной. — Ш. М., Ч. Л.), где есть все нужные вещи для беременных (специальная зимняя куртка, штаны, зимние и летние платья, зимние и летние рубашки, джемпера, спортивные костюмы, халаты, а также специальные вещи для родов — бандаж, компрессионные чулки и т. д.). Этой сумке уже 7–8 лет. Конечно, она обновляется дополнительными вещами каждый раз, когда одна из нас забеременеет. В данное время эта сумка с вещами у меня (я недавно родила третьего ребенка), но скоро я передам эту сумку моей сестре Шораане, которая ждет тоже третьего ребенка.

Второй комплект — *эрги хептер* (старые вещи. — Ш. М., Ч. Л.), *бичилээн эрги хептер* (вещи, ставшие маленькими. — Ш. М., Ч. Л.): комплекты на выписку, детские наволочки, одеяла, комбинезоны, полотенца, боди, ползунки, футболки, колготки, носки, джемпера, шапки, куртки, варежки, школьные формы, платья, кардиганы, обувь и т. д.

В третий условный «комплект» входит всевозможная мебель, снаряжение, приспособления: кровати, коляски, детское автокресло, люльки, тазы, детские игрушки, развивающие книги, самокаты, велосипеды и т. д.

Для нас — людей, выросших в многодетной семье, — традиция *эргинди* счита-

ется нормальной, правильной. Более того, это очень практично, экономично. Сильно изношенные детские вещи мы не выбрасываем, а, как нас учила мама, окуриваем *артыш* (можжевельником. — Ш. М., Ч. Л.) и сжигаем.

Мы также участвуем в поддержании данной традиции для более широкого круга людей — родственников по материнской линии Хомушку. Дарим поношенные вещи своих детей и им — близким и дальним родственникам: оставляя себе часть вещей, остальное отправляем в деревню. Происходит это обычно после обращений родственников, когда они просят детские *эргинди* (*Бичиллээн хептер иңер бар бе?* (Есть ли у вас вещи, которые стали маленькими? — Ш. М., Ч. Л.). Подобный вопрос они задают, или приезжая в гости, или звоня по телефону, а в последние годы — отправляя сообщения в мессенджерах, в которых у нас есть чаты родственников» [ПМА 2021: инф. 1].

Передача старых вещей связана не только с соображениями экономии. У многих современных тувинцев сохраняются представления о том, что вещи обладают определенной энергетикой, через них можно «получить» и здоровье выросшего в них ребенка, но также и его болезни. Так, подобным убеждением с нами поделилась одна из наших информантов — молодая мама А. Б. Ондар (работник образования, 1989 г. р.). По ее словам, она не может брать колыбель у чужих людей, когда не знаешь, как росли их дети. Семейная колыбель молодой женщины сильно устарела, так как в ней выросли семеро ее родных сестер, братьев, в том числе и она сама, а также и три внука. Поэтому для своего первого ребенка она, по совету своей мамы, специально заказала новую *кавай* [ПМА 2021: инф. 2].

Другая молодая мама Ш. Ю. Кужугет (работник образования, 1987 г. р.) детские вещи своих детей бережно хранит в специальных сумках, передает детям своих родных братьев, двоюродных сестер. Те с удовольствием принимают их. Они отмечают, что вещи от нее имеют благоприятную энергетику, и их дети, нося полученное, мало болеют. При этом «от вещей» других родственников бывало, что дети часто болели [ПМА 2021: инф. 3].

В этих убеждениях есть отголосок старых представлений тувинцев. Поэтому обратимся к традиционной форме, попытаемся сформулировать ее основные характеристики.

Из истории традиции *эргинди*

Сама традиция не имеет специального названия в тувинском языке. Есть только ряд терминов, обозначающих сами старые вещи, о чем мы уже сказали. При этом интересно то, что общий термин *эргинди* ‘старье’, являясь производным словом, не отражен в словарях. Например, в тувинско-русском словаре Э. Р. Тенишева [ТРС 1968] указаны только прилагательное *эрги* ‘старый, давний, старинный’ [ТРС 1968: 617] и глагол *эргижирээр* ‘стареть, отживать свой век’ [ТРС 1968: 617].

Но слово *эргинди* имеет хождение у тувинцев в быту и присутствует в тувинской художественной литературе. Так, в романе классика тувинской литературы С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о Аңгыр-оола», или другое переводное название «Повесть о светлом мальчике») (первое издание — 1961 г.), который литературоведы называют «энциклопедией жизни тувинского народа» [Комбу 2012: 237], главный герой сетует на свою нищенскую долю и старье, в которое он одет: *Чамдык байлар ийикпе, анаа-ла чорумал улус безин «Ол байның эитенчизи оолдуң самдар деп чүвезин, дадайым! Ол ажыл кылбас эт бурган дег ажы-төлүнүң өөделиг эргиндизинден-даа чүге кедирбес чоор?» дижи бээр* (‘Некоторые богачи, даже просто путники, могут сказать: «Боже мой, какой рваный этот мальчик, батрак этого богача! Почему не надевают ему сносное старье этих бездельников-детей, похожих на „мясных“ богачеств?»¹) [Сарыг-оол 2008: 72]

Если взглянуть на этнографические работы, то мы обнаружим, что ни общая традиция *эргинди*, ни ее детская составляющая не рассматривались в исследованиях традиционной культуры тувинцев. В основном этнографы концентрировали свое внимание на традициях изготовления одежды тувинцами, на особенностях кроя, а также вариантах ношения и отличиях одежды

¹ Перевод выполнен канд. филол. наук Н. Д. Сувандии.

богатых и бедных. В публикациях можно увидеть много описаний одежды и того, как она изготавливалась. Само же «хождение» одежды, ее использование не обсуждались учеными, и сам по себе этот факт вызывает удивление, поскольку, во-первых, тувинцы, особенно бедные слои, не могли каждый раз шить новую одежду для каждого человека, тем более быстро растущих детей; во-вторых, исследования традиционной одежды других родственных народов все же включали и рассмотрение вопросов их использования, а порой и утилизации.

В тувиноведении мы нашли только фрагментарные упоминания о передаче вещей тувинцами у В. П. Дьяконовой, Л. П. Потапова, С. И. Вайнштейна, М. Б. Кенин-Лопсана. Так, В. П. Дьяконова описывала традицию передачи *чучак* 'распашонка' — первой верхней одежды ребенка, из которой он вырос, и тогда его снимали и оставляли для следующих детей [Дьяконова 1960: 265]. Эту же информацию дал в своей работе Л. П. Потапов [Потапов 1969: 226–227]. С. И. Вайнштейн отмечал передачу по наследству накидок для невесты *ду-маалай* (ткани, стянутой в виде шапочки) и *баштаңгы* (накидку на голову и плечи), украшенных драгоценностями, поскольку они считались несомненными признаками богатства [Вайнштейн 1991: 171]. Знарок тувинской культуры М. Б. Кенин-Лопсан, подчеркивая, что в традициях тувинцев было бережное отношение ко всему, что окружает человека, в том числе и к вещам, перечисляет наказания, которые получали от взрослых дети: не отрывать пуговицы на одежде, не ходить по воде и грязи, т. е. не загрязнять одежду [Кенин-Лопсан 2021: 138–139].

Тем не менее и он не объяснял причину этой бережности, которая, очевидно, заключалась и в том, что детские вещи надо было передавать следующим детям. В его работе особо только указывается традиция передачи от поколения к поколению колыбели ребенка *кавай*, которая считалась священной, не должна была пустовать [Кенин-Лопсан 2006: 163]. Если в семье не было ребенка в какой-то период времени, то в *кавай* клались значимые для семьи вещи [Кенин-Лопсан 2006: 167]. Колыбель считалась реликвией для родителей, рода и родной земли [Кенин-Лопсан 2006: 168].

В современном тувиноведении также встречаются эпизодические упоминания темы. Например, М. О. Сиянбиль и А. А. Сиянбиль подчеркивают, что в тувинских героических сказаниях нередко присутствует сюжет о передаче одежды отца сыну целым комплектом [Сиянбиль и др. 2000: 13].

Отмечается, что девочки от матерей получали украшения [Сиянбиль и др. 2000: 14; Ховалыг 2018: 124].

Г. Н. Курбатский пишет о сакральном значении одежды у тувинцев, подчеркивая, что «долго бывшие в употреблении вещи по тувинским поверьям как бы оживали, отождествлялись с владельцем» [Курбатский 2001: 146]. Тем не менее он говорил о вещах, которые долго принадлежали одному владельцу, не рассматривая факты их передачи.

Соответственно, мы видим, что тема передачи вещей в тувинской традиционной культуре, а тем более и в современной этнокультурной жизни осталась практически не исследованной. Можно даже сказать, что в советский период развития этнографии она попала в некую ловушку стандартных тем — о традиционной одежде и утвари, их изготовлении, и их социокультурном значении. Уже в российское время она так и не была «обнаружена» тувиноведами в силу ухода проблематики материальной культуры в поле интересов краеведов и музееведов и увлечения этнографов и культурологов проблематикой духовной культуры и ее аспектов (см.: [Соколовский 2016]).

Поэтому, обнаружив отсутствие зафиксированных описаний, мы также пришли к необходимости не только описать современное бытование традиции, но и собрать информацию о ее прошлых формах — по обрывкам сведений и воспоминаниям представителей старших поколений, по произведениям тувинской литературы и фольклора.

Истоки традиции передачи старых, использованных вещей у тувинцев можно найти в фольклоре. Например, один из часто встречающихся сюжетов в эпосе, сказках — как дети получают одежду родителей: подросший сын от отца, а дочь — от матери.

Так, в известном эпосе «Боктуг-Кириш и Боора-Шээлей» старик разговаривает со своей женой об одежде, которую они приготовили для своих детей:

«„Мой единственный сын — смотри-ка какой!
 Когда однажды он повзрослеет?
 Когда я был молодым,
 Пользовался [снаряжением] богатырским,
 Снаряжением богатырского коня.
 На теневой стороне Энгиргея,
 В темной глубокой пещере
 Спрятал ведь я [это все].
 Кто знает, когда однажды
 Он станет [всем] пользоваться?“ — говорит.
 Жена [отвечает]:
 „А ведь правда!
 И дочь моя единственная — смотри-ка какая!
 Когда я была молодой,
 Одежду, которую я носила,
 Толстые-тонкие иглы свои
 В золоченый ларец я уложила,
 На солнечной стороне Кынгыргая,
 Перед красным утесом
 В темной глубокой пещере
 Спрятала ведь я [это все].
 Кто знает, когда однажды девочка эта
 Наденет [все], станет [этим] пользоваться?“»
 [Тувинские сказания 1997: 305].

Этот разговор родителей слышала их дочь Бора. Позже они с братом Бокту осиротели, выросли одни. Когда их одежды совершенно износились, истрепались, то Бора вспомнила ту беседу. Юноша с девушкой нашли пещеры, сундуки с одеждой, утварью и снаряжением для их коня [Тувинские сказания: 309–310]. Так, предусмотрительные, бережливые родители смогли передать своим детям свою одежду. И поскольку в эпосе описывается, что Бокту и Бора, надев ее, почувствовали себя взрослыми, настоящим богатырем и прекрасной девушкой, то этот акт подчеркнул особое значение — мотив инициации.

В этнографических работах изредка встречаются упоминания о передаче вещей и утвари от родителей детям. Так, Г. Е. Грумм-Гржимайло, исследовавший в 1884–1914 гг. территории Центральной Азии, в том числе Урянхайского края (старое название Тувы), описывал быт и нравы урянхайцев (тувинцев) [Грумм-Гржимайло 2007].

Он упоминает правила деления наследства у тувинцев, когда дети получают от родителей имущество, в том числе утварь и «платье» [Грумм-Гржимайло 2007: 634].

О правилах наследования с передачей имущества и вещей также пишут другие

исследователи края рубежа XIX–XX вв.: Д. Каррутерс [Каррутерс 2007: 217], Е. К. Яковлев [Яковлев 2007: 241] и др.

Некоторые традиционные тувинские представления о детских вещах и практики их передачи в своем исследовании жизни тувинцев, проживающих в Китае, зафиксировала Ж. М. Юша [Юша 2018: 198–205; и др.]. Периодически подчеркивая параллели с тувинцами основной части этноса, автор пишет, например, о том, что после захода солнца у китайских тувинцев детскую одежду нельзя оставлять на улице. По мифологическим воззрениям, в это время активизируется нечистая сила, которая обитает в Среднем мире (в котором живут люди, два других мира — Верхний и Нижний). Злой дух *шулму* может поиграть с детскими вещами и навредить здоровью ребенка [Юша 2018: 198–199].

Ж. М. Юша пишет о предписаниях и запретах, которые существовали в народной культуре тувинцев по отношению к одежде: «Считается, что каждый человек в процессе своей жизни должен иметь определенное количество одежды. Если он каким-то образом нарушит этот баланс, то тем самым быстро изживет свой жизненный век» [Юша 2018: 205]. Это распространяется и на детей: «если ребенок в детстве „израсходует“ количество причитающейся на его детство одежды (благодать одежды), то во взрослом возрасте у него ожидается бедная жизнь, в которой не будет возможности купить обновки» [Юша 2018: 205].

Кроме того, автор отмечает, что в целях оберега детей от злых духов нельзя было носить слишком красивую одежду, иметь яркие и броские вещи [Юша 2018: 205]. У китайских тувинцев даже обнаружены благопожелания новой одежде, причем считалось, что красивую одежду лучше носить во взрослой жизни, чем в детском возрасте [Юша 2018: 205].

О бережливости и уважительности тувинцев к одежде нам рассказывали и наши информанты. О правилах своей матери нам поведала Н. Ч. Дамба (работник образования, 1960 г. р.): «Раньше у моей мамы было два *антара* (сундука. — Ш. М., Ч. Л.), в них она хранила много старых детских вещей. Среди них были *чөргектер* (детские пеленки. — Ш. М., Ч. Л.), и она говорила: „Чем старее пеленка, тем лучше, мягче, роднее

при пеленании“. Мама детские вещи чужим людям никогда не раздавала, дарила только своим родным, близким родственникам, а очень старые вещи она окуривала *артыш* (можжевельником. — Ш. М., Ч. Л.) и сжигала. Если передать такие детские вещи, то ребенок заболевает (*сылдаңнайбээр*)» [ПМА 2021: инф. 4].

По словам пенсионерки С. С. Кан-оол (1945 г. р.): «В нашей семье было 15 детей, и мама всем нам сама сшила вещи, это были *тон* (халаты. — Ш. М., Ч. Л.), *ботук* (детская обувь. — Ш. М., Ч. Л.) из кожи, войлока, штаны из козьих шкур и т. д. И мы все носили старые вещи своих же родных сестер и братьев. К детским вещам относились очень уважительно, их нельзя было выбрасывать» [ПМА 2021: инф. 5].

Еще одна пенсионерка К. Д. Монгуш (1951 г. р.) говорила, что является седьмой дочкой в многодетной семье, у нее было шесть братьев. Она вспоминала, что носила тужурку брата, верхнюю мужскую одежду до середины бедра. Ее девичьи вещи родители потом отдали двоюродной сестре, которая на шесть лет младше ее [ПМА 2021: инф. 6].

Подчеркнем, что семьи тувинцев были чаще всего многодетными, поэтому в тувинской культуре была развита целая культура детства [Сундуй 2009]. Присутствовало особое отношение тувинцев к детям, контролируемое социальным институтом — родовой общностью и ее авторитетами [Ламажаа 2021а: 61–62], с детьми было связано много ритуалов, обычаев. Отношение к детской одежде увязывалось с представлениями о душе ребенка, о необходимости его защиты и пр.

Подобные представления присутствовали и у других тюрко-монгольских народов Сибири, Центральной Азии, поэтому для нашей темы важны исследования хакасской культуры [Бурнаков 2011: 285; Кустова 2000: 102–105], калмыцкой культуры [Бакаева 2008], бурятской и других монгольских культур [Содномпилова 2013] и др.

М. М. Содномпилова пишет, что по представлениям монгольских народов в целом душа способна воплотиться в одежду, стать ее частью. Это легло в основу запрета отдавать кому-либо свою (уже использованную) одежду [Содномпилова 2013: 153]. Плохой приметой была потеря элементов

одежды, особенно это касалось детских вещей. Люди верили, что с утраченной одеждой может покинуть тело и душа человека [Содномпилова 2013: 154].

В. А. Бурнаков отмечал, что у хакасов было распространено представление о том, что с рождения каждый человек наделяется *хуйах* — своеобразной защитной аурой, «до-спехом». Этот *хуйах* приобретала и одежда в процессе носки. В этой связи свои вещи посторонним людям хакасы остерегались передавать, опасаясь манипуляций с их одеждой и возможных вредных последствий для бывшего хозяина. Поэтому родителям не полагалось отдавать ношенные вещи своих детей чужим людям, можно было только близким родственникам. Кроме того, хакасы верили, что помимо *хуйах* в личных вещах ребенка могли находиться его счастье и здоровье [Бурнаков 2011: 285–286].

В калмыцкой культуре считалось, что детей лучше растить в плохой одежде, желательнее — переданной по наследству от старших детей, благополучно прошедших период отрочества. Это связывалось с представлением о счастье, удаче, которые могут быть переданы вместе с одеждой новому поколению. Именно поэтому существовал запрет на передачу использованных предметов одежды представителям чужих родов [Бакаева 2008: 96]. Э. П. Бакаева пишет, что раньше сжигать одежду было нежелательно. Но позднее такая традиция все же появилась [Бакаева 2008: 97]. Облачение детей в одежду их родителей исследователь считает символическим, как один из актов надления его человеческими признаками, включения в категорию «своих» [Бакаева 2008: 98–99].

Тувинская традиция передачи старых детских вещей имеет много общего с традициями других тюрко-монгольских народов, т. е. является локальным вариантом общей культурной традиции. Поношенная детская одежда от старших братьев и сестер, а также от родителей была важна, потому что ребенок охранялся от болезней, бед, сглаза, а также обеспечивался благополучным будущим. Вещи воплощали идею преемственности, передачи благ и ценностей от одного поколения к другому. Тем не менее из приведенных ранее обрывочных сведений в этнографических работах, а также из этих и других подобных воспоминаний тувинцев, мы можем видеть, что традиция передачи

детских вещей диктовалась необходимостью для тувинцев экономно относиться к вещам в условиях многодетности.

Возможно, наша первая попытка сбора общих характеристик традиционной формы побудит других этнографов более детально исследовать эту интереснейшую тему в тувиноведении, поскольку очевидно, что она нуждается в отдельном тщательном изучении.

Новации в традиции и ее современные функции

Сегодня рассматриваемая этнокультурная традиция, как и остальные, претерпела определенные изменения, в ней появились трансформации, новации. Рассмотрим их.

Во-первых, в категорию *эргинди* стала входить группа вещей, которые не относятся непосредственно к одежде. Это может быть и инвентарь, книги, игрушки, мебель, техника и пр., как это показано в истории семьи Майны.

Во-вторых, передача национальных видов детской одежды, сделанная ручным способом, стала данью традициям, подчеркивающим этническую идентичность. Как рассказывала нам Н. Ч. Дамба (работник образования, 1960 г. р.): «В настоящее время я как бабушка семерых внуков бережно храню старые вещи внуков ручной работы, которые нельзя просто так купить. Это *содак шудак* (костюм борца, точнее ее детская модель. — Ш. М., Ч. Л.), *аргаан тыва борт* (вязаная тувинская шапка. — Ш. М., Ч. Л.), *хөрөктээш* (безрукавка. — Ш. М., Ч. Л.), *бонук* (детская обувь. — Ш. М., Ч. Л.). Как мои внуки начинали ходить, то сразу же заставляла своих детей одевать им *бонук*, а не магазинную обувь. Этой детской обуви уже 20 лет, и она очень удобна для малышей» [ПМА 2021: инф. 4].

В семьях наших родственников, друзей, коллег — тувинцев — также распространены подарки молодым родителям, когда рождается ребенок, в виде нарядных тувинских жилетов *хөрөктээш*, и не всегда эти жилеты новые.

В-третьих, несмотря на то, что в основном традиция распространена среди родственников, тем не менее мы знаем примеры передачи старых детских вещей у тувинцев — близких друзей, подруг, коллег, в том числе тех, которые нуждаются

в материальной помощи. Встречаются случаи и сбора одежды, в том числе детской, который объявляется в коллективах, в республиканских средствах массовой информации, для семей, лишившихся крова и вещей в результате несчастного случая, например пожара.

Более того (и это, в-четвертых), в тувинских группах социальной сети *ВКонтакте*, а также в группах мессенджера *Viber* (двух самых популярных у тувинцев сетей, см.: [Ламажаа 2021в: 119–120]) есть страницы, группы под названиями «Барахолка», «От мамы к маме», «Тыва авалар» («Тувинские мамы»). В них размещаются объявления о старых детских вещах, которые или передаются бесплатно, или продаются со скидками, иногда обмениваются за сладости и т. д.

Эти новации показывают нам, что в сохранившейся традиции на сегодня важнейшей стала функция экономическая. Разумеется, уже далеко не все тувинцы верят в наличие некоторой души у одежды, энергетики, охранных качеств; они не соблюдают старые запреты, передают одежду не только родственникам. Тем не менее есть и семьи, где традицию чтут. И тех, и других объединяет общее экономное отношение к старым детским вещам как к материальным объектам, которые необходимо передавать, можно получать, чтобы это позволяло экономить средства на их покупку. Для одного из самых экономически бедных регионов страны, где низок уровень жизни, вопросы экономии средств — чрезвычайно важны.

Особенно необходимым было экономить в сложные 1990-е гг. Как рассказывала нам Ч. Х. Санчай (работник культуры, 1970 г. р.): «Моя старшая дочь родилась в 1990-х годах. В то время был дефицит во всем, не было возможности купить качественные вещи. Более того, самих вещей не было. Вторая причина — не было денег. Моей дочери, когда она пошла в школу в первый класс, досталась шубка из козьей шкуры от дочерей родственников, они были тогда в моде. Родная тетя эту шубу перешила для нее в специальном ателье, а наша бабушка (мама моего мужа) привезла. Таким образом, родственники помогали друг другу» [ПМА 2021: инф. 7]. В последующие годы и сегодня передача родственникам вещи выросших детей также стало формой материальной поддержки семей с детьми.

Подчеркнем сегодня современное актуальное значение традиции, с которой и начали нашу статью, — значение второй жизни вещей (*upcycling*) в тувинской социокультурной жизни.

Несмотря на то, что термин *upcycling* считается неологизмом [Sung 2015: 31], исследователи признают, что сама практика существовала на протяжении тысячелетий в каждой культуре в своем варианте [Szaky 2014]. Традиция передачи старых вещей тувинцев *эргинди*, которая имеет древние корни, сегодня чрезвычайно актуальна и современна, поскольку может трактоваться как этнокультурная традиция практики экономичного, бережного отношения к использованным вещам в форме придания этим вещам второй жизни *upcycling*.

Сегодня практики поддержания функционирования и утилизации вещей в современных обществах имеют много вариаций. При этом, например, практики передачи старых вещей «из рук в руки», практики благотворительности социологи М. Э. Елютина и А. Д. Ивахнова относят к стратегиям утилизации [Елютина, Ивахнова 2014: 111].

Однако мы не можем говорить, что, например, описанная нами тувинская традиция передачи *эргинди* может считаться практикой утилизации. Если понимать тот факт, что тувинские нуклеарные семьи одновременно входят и считаются частью расширенной семьи — родственной группы (в тувинском языке для обозначения этих групп, самоназвания используется несколько терминов: *аймак*, *төрел-аймак*, *төрел-бөлүк*), то особенно детские вещи, передающиеся следующим детям после выросших хозяев, не считаются утилизированными. Эти вещи имеют возможность «вернуться» в ту же семью, если в ней появился еще один ребенок. Тем самым поношенные детские вещи совершают круги «хождения» между семьями, связанными родственными узами.

Наличие этого круга «хождения» вещей говорит нам еще об одной важной функции, которую выполняет данная традиция в расширенной семье — поддерживающей родственные связи. Подчеркнем, что передача старых вещей, безвозмездная или за символическую стоимость, чаще всего происходит между родственниками, поскольку они считают это частью родствен-

ных отношений — помогать друг другу растить детей. Если брать шире и рассматривать не только передачу детских вещей, то эта родственная взаимопомощь распространяется и на взрослых, т. е. обычай одаривания старыми вещами присутствует и в жизни взрослых тувинцев. Старые вещи передаются родственниками друг другу, например, по сфере деятельности (когда люди работают в одной сфере, и их профессиональная одежда может быть одинаково важной для них; передаются и вещи, мебель), по увлечениям, хобби (например, когда мужчины-рыбаки делятся снаряжением). Предметы быта, кухонная утварь, мебель передается от матери к дочери в том числе, чтобы старая вещь напоминала о родном человеке, о старом месте проживания, о счастливой поре жизни и пр. Много тувинцев, когда приобретают новые автомобили, то свою старую машину в хорошем рабочем состоянии могут продать своим родственникам ниже рыночной стоимости, иногда даже дарят.

Сегодня родственные группы тувинцев живут разрозненно, представители *аймак*, *төрел-бөлүк*, как они называют свои группы [Ламажаа 2021б: 13–15], могут находиться в разных городах, селах, даже за пределами Тувы. Тем не менее значение родства у тувинцев не снизилось, наоборот, как показывают наши исследования, оно в последнее время возросло. Родственники продолжают общаться, в том числе при помощи современных технологий, в мессенджерах, где у них есть чаты для родственников [Ламажаа 2021в: 120]. Они договариваются о помощи друг другу — деньгами, помощью в делах (например: [Кужугет 2021: 41–42]), проводят родовые обряды [Кужугет 2021: 41; Сувандии 2021; Дагылга 2021], семейные праздники с приглашением широкого круга родственников [Ламажаа, Майны 2020; Майны 2021].

Наши наблюдения за тувинцами, проживающими за пределами Тувы, например, в г. Москве, также показывают, что многие московские тувинцы стараются не выбрасывать вещи, особенно детские, а отдавать их приезжающим родственникам или отправлять посылками в республику. Передача старых вещей, в том числе детских, — это часть этой системы родственных связей тувинцев, механизм их поддержания.

Тем самым мы видим, что традиционные характеристики передачи вещей *эргинди* переплелись с новациями, и вместе они показывают, на наш взгляд, именно живучесть традиции.

Заключение

Каждая человеческая культура, сформированная веками истории, обладает своеобразным опытом сосуществования с окружающей средой, аккуратного взаимодействия с ней. И в этом плане изучение и развитие, передача подобных традиций важны не просто для самих культур, не просто для ее представителей, но и для экономического

развития регионов, стран, а также решения экологических проблем.

Тувинская традиция передачи старых вещей *эргинди*, в том числе детских, поэтому имеет многостороннее значение. Несмотря на ее древние корни и живучесть в быту тувинцев, она сосуществует с распространяющейся и в данном регионе искаженной культурой потребительства, которая создает постоянно растущий объем бытовых отходов (см., например: [Тапышпан, Ховалыг 2018]). Поэтому мы полагаем, что ее изучение, которое началось с данного исследования, будет продолжено специалистами других профилей.

Полевые материалы авторов

- ПМА 2021: инф. 1 — Майны Р. С., 1956 г. р.
ПМА 2021: инф. 2 — Ондар А. Б., 1989 г. р.
ПМА 2021: инф. 3 — Кужугет Ш. Ю., 1987 г. р.

- ПМА 2021: инф. 4 — Дамба Н. Ч., 1960 г. р.
ПМА 2021: инф. 5 — Кан-оол С. С., 1945 г. р.
ПМА 2021: инф. 6 — Монгуш К. Д., 1951 г. р.
ПМА 2021: инф. 7 — Санчай Ч. Х., 1970 г. р.

Authors' Field Data

(Rec. in August–September 2021, Kyzyl, Tyva Republic, Russia)

- Informant 1: Mainy R. S., b. 1956. (In Tuv. and Russ.)
Informant 2: Ondar A. B., b. 1989. (In Tuv. and Russ.)
Informant 3: Kuzhuget Sh. Yu., b. 1987. (In Tuv. and Russ.)

- Informant 4: Damba N. Ch., b. 1960. (In Tuv. and Russ.)
Informant 5: Kan-ool S. S., b. 1945. (In Tuv. and Russ.)
Informant 6: Mongush K. D., b. 1951. (In Tuv. and Russ.)
Informant 7: Sanchai Ch. Kh., b. 1970. (In Tuv. and Russ.)

Литература и источники

- Бакаева 2008 — Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: ИД «Герел», 2008. 188 с.
Бодрийяр 2006 — Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / пер. с фр. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
Бурнаков 2011 — Бурнаков В. А. Ребенок в системе традиционных верований хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 5. С. 280–287.
Вайнштейн 1991 — Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 299 с.
Грум-Гржимайло 2007 — Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер. Антология: в 7-и тт. / сост. С. К. Шойгу. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.). М.: Слово/Slovo, 2007. С. 496–639.

- Дагылга 2021 — Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл: [б. и.], 2021. 188 с.
Дьяконова 1960 — Дьяконова В. П. Материалы по одежде тувинцев (по полевым материалам 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Материалы по археологии и этнографии западной Тувы / отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 238–266.
Елютина, Ивахнова 2014 — Елютина М. Э., Ивахнова А. Д. Повседневные практики использования и утилизации вещей // Социологические исследования. 2014. № 2 (358). С. 116–121.
Ильин 2012 — Ильин А. Н. Чуждость потребительства для российской культуры // Вопросы культурологии. 2012. № 6. С. 48–53.
Каррутерс 2007 — Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. I. Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Антология: в 7-и тт. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX – начало XX в.). М.: Слово/Slovo, 2007. С. 10–261.

- Кенин-Лопсан 2006 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев / пер. с тув. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 232 с.
- Кенин-Лопсан 2021 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев / пер. с тув. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2021. 248 с.
- Комбу 2012 — *Комбу С. С.* Тувинская литература. Словарь. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.
- Кужугет 2021 — *Кужугет Ш. Ю.* История родственной группы *кужугет* из Барун-Хемчикского района Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 31–45. DOI: 10.25178/nit.2021.4.3
- Курбатский 2001 — *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Кустова 2000 — *Кустова Ю. Г.* Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 160 с.
- Ламажаа 2021a — *Ламажаа Ч. К.* Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 57–75. DOI: 10.25178/nit.2021.4.5
- Ламажаа 2021б — *Ламажаа Ч. К.* Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 6–21. DOI: 10.25178/nit.2021.4.1
- Ламажаа 2021в — *Ламажаа Ч. К.* Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129. DOI: 10.25178/nit.2021.2.10
- Ламажаа, Майны 2020 — *Ламажаа Ч. К., Майны Ш. Б.* Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // *Oriental Studies*. 2020. № 13(2). С. 405–421. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421
- Майны 2021 — *Майны Ш. Б.* Семейный обряд *хылбыкдой* городских тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 76–88. DOI: 10.25178/nit.2021.4.6
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Сарыг-оол 2008 — *Сарыг-оол С. А.* Ангыр-оолдун тоожузу (= Повесть о светлом мальчике). Кызыл: Тываның ном үндүрер чери. 2008. 440 ар.
- Сиянбиль и др. 2000 — *Сиянбиль М. О., Сиянбиль А. А.* Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл: Тип. Гос. ком-та по печати и масс. инф. РТ, 2000. 72 с.
- Содномпилова 2013 — *Содномпилова М. М.* Традиционная одежда монгольских народов в ритуале и как инструмент социализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2. С. 152–165.
- Соколовский 2016 — *Соколовский С. В.* К самим вещам? (об онтологическом повороте в социальных и гуманитарных дисциплинах) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 21. Сб. ст. М.: Наследие ММК, 2016. С. 9–33.
- Соколовский 2017 — Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С. В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. 404 с.
- Сувандии 2021 — *Сувандии Н. Д.* Термины родства у родовой группы монгушей с. Аянгаты Барун-Хемчикского района // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 22–30. DOI: 10.25178/nit.2021.4.2
- Сундуй 2009 — *Сундуй Г. Д.* Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл: Ин-т развития нац. школы, 2009. 168 с.
- Тапышпан, Ховалыг 2018 — *Тапышпан А. М., Ховалыг А. А.* Проблема бытовых отходов г. Кызыла // Вестник Тувинского государственного университета. 2018. № 3. Технические и физико-математические науки. С. 70–74.
- Тувинские сказания 1997 — Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
- Ховалыг 2018 — *Ховалыг Р. Б.* Тувинская традиционная одежда. Новосибирск: Наука; НГО-ПО Союза писателей России, 2018. 336 с.
- Юша 2018 — *Юша Ж. М.* Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука, 2018. 400 с.
- Яковлев 2007 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология: в 7-и тт. / сост. С. К. Шойгу. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Тыве. М.: Слово/Slovo, 2007. С. 202–253.
- Oldenzel, Weber 2013 — *Oldenzel R., Weber H.* Introduction: Reconsidering Recycling // *Contemporary European History*. 2013. 22 (3). Pp. 347–370. DOI: 10.1017/S0960777313000192

Sung 2015 — *Sung K. A.* Review on Upcycling: Current Body of Literature, Knowledge Gaps and a Way Forward // International Conference on Environmental, Cultural, Economic and Social Sustainability (Venice, Italy, April 13–14, 2015).

References and Sources

- Bakaeva E. P. Clothing in Kalmyk Culture: Traditions and Symbols. Elista: Gerel, 2008. 188 p. (In Russ.)
- Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. Moscow: Respublika, Kulturnaya Revolyutsiya, 2006. 269 p. (In Russ.)
- Burnakov V. A. The child in system of traditional beliefs of Khakas people. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011. Vol. 10. No. 5. Pp. 280–287. (In Russ.)
- Elyutina M. E., Ivakhnova A. D. Routine practices of using and utilizing belongings. *Sociological Studies*. 2014. No. 2 (358). Pp. 116–121. (In Russ.)
- Ilyin A. N. Foreignness of consumerism for Russian culture. *Issues of Cultural Studies*. 2012. No. 6. Pp. 48–53. (In Russ.)
- Carruthers D. Unknown Mongolia. Vol. I: Uryankhay Krai. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Dept. Anthology. In 7 vols. Vol. 4: Uryankhay Krai. Crossroads of Opinions, Late 19th – Early 20th Centuries. Moscow: Slovo/Slovo, 2007. Pp. 10–261. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. Materials on Tuvan clothing: 1958 field data analyzed. In: Potapov L. P. (ed.) Transactions of the Tuvan Archaeology and Ethnography Research Expedition. Materials on Archaeology and Ethnography of Western Tuva. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 238–266. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. Ye. Western Mongolia and Uryankhay Krai: An Anthropological and Ethnographic Essay. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Dept. Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uriankhai (4th – Early 20th Centuries). Moscow: Slovo/Slovo, 2007. Pp. 496–639. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Traditional Culture. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2006. 232 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Traditional Culture. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2021. 248 p. (In Russ.)
- Khovalyg R. B. Tuvan Traditional Clothing. Novosibirsk: Nauka, Union of Writers of Russia, 2018. 336 p. (In Russ.)
- Kombu S. S. Tuvan Literature: A Dictionary. Novosibirsk: Nauka, 2012. 360 p. (In Russ.)
- Vol. 17 (4) Part I. Venice: WASET. Pp. 28–40.
- Szaky 2014* — *Szaky T.* Outsmart waste: the modern idea of garbage and how to think our way out of it. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2014. 156 p.
- Kurbatsky G. N. Tuvans in Tuvan Folklore: Historical and Ethnographic Aspects Revisited. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
- Kustova Yu. G. Child and Childhood in Khakas Traditional Culture. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 160 p. (In Russ.)
- Kuzhuget Sh. Yu. The history of the kinship group of *Kuzhuget* from the Barun-Khemchik District of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 31–45. DOI: 10.25178/nit.2021.4.3 (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D. (eds.) Dagylga: 21st-Century Tuvan Consecration Rites. Kyzyl, 2021. 188 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. Social culture of Tuvans and online space. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 2. Pp. 115–129. DOI: 10.25178/nit.2021.2.10 (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 6–21. DOI: 10.25178/nit.2021.4.1 (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K. Tuvans' views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 57–75. DOI: 10.25178/nit.2021.4.5 (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K., Mainy Sh. B. Tuvan wedding rites: From establishment of family ties to social presentation. *Oriental Studies*. 2020. No. 13(2). Pp. 405–421. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421 (In Russ.)
- Mainy Sh. B. Family rite of *khylyk doy* of urban Tuvans. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 76–88. DOI: 10.25178/nit.2021.4.6 (In Russ.)
- Oldenzel R., Weber H. Introduction: Reconsidering recycling. *Contemporary European History*. 2013. No. 22 (3). Pp. 347–370. DOI: 10.1017/S0960777313000192
- Orus-ool S. M. (comp.) Tuvan Heroic Tales. Novosibirsk: Nauka, 1997. 584 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Tuvan Traditional Household Life: Essays. Moscow: Nauka, 1969. 402 p. (In Russ.)
- Saryg-ool S. A. The Novel of a Radiant Boy. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2008. 440 p. (In Tuv.)

- Siyanbil M. O., Siyanbil A. A. Tuvan Traditional Costume: History and Symbols. Kyzyl: Tyva Agency for Print and Mass Media, 2000. 72 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. Traditional clothing of the Mongolian peoples in the rituals and as a tool of socialization. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2013. No. 2. Pp. 152–165. (In Russ.)
- Sokolovskiy S. V. (ed.) Russian Anthropology and the ‘Ontological Turn’. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2017. 404 p. (In Russ.)
- Sokolovskiy S. V. Towards things themselves? Ontological turn in social science and the humanities revisited. In: *Ethnomethodology. Problems, Approaches, Concepts*. Vol. 21. Collected papers. Moscow: Nasledie MMK, 2016. Pp. 9–33. (In Russ.)
- Sundui G. D. The Childhood World of Asian Nomads: Experiences of Spiritual and Moral Education Analyzed. Kyzyl: Ethnic School Development Institute, 2009. 168 p. (In Russ.)
- Sung K. A. Review on upcycling: Current body of literature, knowledge gaps and a way forward. In: *International Conference on Environmental, Cultural, Economic and Social Sustainability* (Venice, Italy, 13–14 April 2015). Vol. 17 (4). Part I. Venice: WASET. Pp. 28–40.
- Suvandii N. D. Kinship terms of the Mongush tribal group of the village of Ayangaty in the Barun-Khemchik District. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 22–30. DOI: 10.25178/nit.2021.4.2 (In Russ.)
- Szaky T. Outsmart Waste: The Modern Idea of Garbage and How to Think Our Way out of It. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2014. 156 p. (In Eng.)
- Tapyshpan A. M., Khovalyg A. A. The issue of waste management in the town of Kyzyl. *Bulletin of Tuva State University*. 2018. No. 3: Engineering and Physico-Mathematical Sciences. Pp. 70–74. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 648 p. (In Tuv. and Russ.)
- Vainshtein S. I. Nomads from the Center of Asia and Their World. Moscow: Nauka, 1991. 299 p. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. Non-Russian population of the Southern Yenisei [River] Valley: An ethnographic review. In: Shoigu S. K. (comp.) *Uryankhay*. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 5: Uryankhay Krai. From Uryankhay to Tannu-Tuva. Moscow: Slovo/Slovo, 2007. Pp. 202–253. (In Russ.)
- Yusha Zh. M. Folklore and Ritual of China’s Tuvans in the early 21st Century: Structure, Semantics, Pragmatics. Novosibirsk: Nauka, 2018. 400 p. (In Russ.)

